

Послание вождя Сиэтла*

В 1854 г. Сиэтл, вождь племени Секвами, произнес это послание белому человеку на своем родном дува-ском языке. Речь была записана доктором Генри Смитом и хранится по сей день в Вашингтоне. Генри Смит подчеркивал, что его собственный английский язык, отражающий лексический словарный запас того времени, был не в состоянии отобразить всю красоту образов и мыслей Сиэтла. Текст приобрел известность, после того как в 1970 г. был воссоздан по запискам доктора Смита сценаристом Тедом Перри.

Великий Вождь из Вашингтона прислал нам известие, что он хочет купить нашу землю.

Великий Вождь также посылает нам слова дружбы и доброй воли. Это очень хорошо с его стороны, поскольку мы знаем, что он совсем не нуждается в нашей дружбе.

Однако мы обсудим твое предложение. Поскольку мы знаем, что, если мы не продадим землю, бледнолицые могут прийти с ружьями и забрать ее.

Как вы можете покупать или продавать небо и теплоту земли?

Эта мысль кажется нам странной. Если нам не принадлежат свежесть воздуха и блеск воды, то как вы можете это купить?

Каждая пядь этой земли священна для моего народа.

Блеск любой сосновой иголки, любой тенистый берег и туман в темной чаще, каждая поляна и жужжащее насекомое свято в чувствах и памяти моего народа. Живительные соки деревьев несут в себе память краснокожего человека.

Умершие бледнолицые забывают страну, в которой они родились, когда начинают свой путь среди звезд. Наши умершие никогда не забывают эту прекрасную землю, ибо это мать краснокожего человека. Мы — часть этой земли, и она тоже наша часть.

Ароматные цветы — наши сестры, олень, лошадь, великий орел — наши братья.

Скалистые гребни, сочные травы лугов, теплота тела человека и скакуна — все это принадлежит к одной и той же семье.

Поэтому, когда Великий Вождь из Вашингтона посылает известие, что он хочет купить нашу землю, это означает, что он хочет получить нас самих.

Великий Вождь говорит, что отведет нам место, где мы могли бы спокойно жить сами по себе. Он будет нам отцом, а мы — его детьми.

Мы обдумаем твое предложение о покупке нашей земли. Но это будет нелегко. Потому что эта земля является для нас священной.

Сверкающая вода потоков и речек — это не просто вода, это кровь наших предков. Если мы продадим тебе нашу землю, ты должен помнить, что она священна, ты должен научить своих детей тому, что она священна и что каждое призрачное отражение в чистой воде озера таит в себе события и воспоминания о жизни моего народа. Шепот воды — это голос отца моего отца.

Реки — это наши братья, они утоляют нашу жажду. Они несут наши каноэ и кормят наших детей. Если мы продадим тебе нашу землю, ты должен помнить и научить своих детей тому, что реки — это наши братья; это и твои братья, и с этого момента ты должен относиться к ним с той же добротой, с которой ты относишься к своим братьям.

Краснокожий человек всегда отступал перед бледнолицым, как горный туман бежит от утреннего солнца. Но останки наших отцов священны. Их могилы — это святая земля, так же как и эти холмы, эти деревья, как эта часть земли, освященная нами.

Мы знаем, что белый человек не понимает наших традиций. Один участок земли для него ничем не отличается от другого, ибо он чужак, который приходит ночью и берет от земли все, что ему надо. Земля для него не брат, а противник, и, завоевав ее, он движется дальше. Он оставляет за собой могилы отцов, не думая об этом. Он крадет землю у своих детей и не думает об этом. Могилы отцов и права детей, данные им с рождением, забыты. Он относится к своей матери-земле и к своему брату-небу как к вещам, которые можно купить, украсть и продать, словно корову или яркие бусы. С таким аппетитом он поглотит землю, оставив позади только одну пустыню.

Но я не знаю. Наш путь отличается от вашего пути. Вид ваших городов ранит глаз краснокожего человека. Но, может быть, это происходит потому, что он дикарь и ничего не понимает.

В городах белого человека нет спокойных мест. Здесь негде услышать шелест распускающихся листьев и шорох крыльев насекомых. Но, может быть, это потому, что я дикарь и ничего не понимаю. Грохот только оскорбляет наш слух. И зачем тогда жить, если человек не может услышать одинокий крик козодоя и споры лягушек в ночном пруду? Я краснокожий и не

* Думая как гора: на пути к совету всех существ. М., 1992.

понимаю этого. Индейцу больше по душе мягкий звук ветра, овевающего лицо озера, и запах ветра сам по себе, очищенный дневным дождем или сдобренный ароматом сосен.

Воздух драгоценен для краснокожего человека, ибо дыхание у всех одно — у зверей, деревьев и людей одно и то же дыхание...

Кажется, что белый человек не замечает воздуха, которым дышит. словно человек, который много дней находится в предсмертной агонии, он не чувствителен к зловонию. Но если мы продадим тебе свою землю, ты должен помнить, что воздух драгоценен для нас, что он делит этот дух со всей жизнью, которую он поддерживает. Ветер, который дал нашему праотцу его первое дыхание, получает также и его последний вздох. И этот ветер должен передать нашим детям дух жизни. Поэтому, если мы продадим тебе свою землю, ты должен держать ее в стороне, чтобы она осталась священной, чтобы даже бледнолицый мог пойти туда и вкусить ветра, сладкого от аромата луговых цветов.

Мы обдумаем твоё предложение о покупке земли. Но если мы решим принять его, я поставлю одно условие: белый человек должен относиться к зверям на этой земле, как к своим братьям.

Я дикарь и я не знаю другого пути. Я видел в прериях тысячи гниющих туш бизонов, застреленных белыми с проходящих поездов. Я дикарь и не понимаю, как дышащий дымом железный конь может быть важнее бизонов, которых мы убиваем только для того, чтобы выжить.

Что такое человек без зверей? Если все звери исчезнут, человек умрет от великого одиночества своей души. Все, что случается со зверями, в скором времени происходит и с человеком. Все они связаны друг с другом.

Ты должен научить своих детей тому, что земля у них под ногами — это прах наших предков. Чтобы твои дети уважали эту землю, скажи им, что она наполнена родственными нам жизнями. Научи своих детей тому же, чему мы научили своих, что земля — это наша мать. Что бы ни случилось с землей, то же самое постигает и ее детей. Если люди плюют на землю, то они плюют на самих себя.

Вот что мы знаем. Земля не принадлежит человеку; человек принадлежит земле. Вот что мы знаем. Все явления связаны кровными узами, как одна семья. Все вещи связаны.

Все, что случается с землей, случается и с ее детьми. Человек не сплетает сеть жизни, он всего лишь одна нить в ней. Все, что он делает с этой сетью, он делает и с самим собой.

Но мы рассмотрим твоё предложение о том, чтобы отправиться в резервацию, которую ты приготовил для моего народа. Мы будем жить отдельно и в мире. Для нас не имеет значения, где мы проведем остаток своих дней. Наши дети уже увидели своих отцов уни-

женными и побежденными. Наши воины опозорены и после поражения они проводят дни в бездействии и портят свои тела сладкой пищей и крепкими напитками... Для нас не имеет значения, где мы проведем остаток своих дней. Их осталось не так много. Еще несколько часов, еще несколько зим — и ни один из детей некогда великих племен, однажды живших на этой земле, а теперь блуждающих по лесам небольшими группами, не придет оплакивать могилы народа, когда-то такого же могущественного и полного надежд, как твой. Но почему я должен оплакивать уход своего народа? Племена состоят из людей, не больше. Люди приходят и уходят, как морские волны.

Даже белый человек, чей Бог ходит и разговаривает с ним, как с другом, не может избежать этой общей участи. В конце концов, мы можем быть братьями; увидим...

Мы знаем одно, и, возможно, белый человек когда-то это обнаружит, — у нас один и тот же Бог. Может быть, вы думаете, что владеете им, как собираетесь владеть нашими землями, но этого вы не можете. Он человеческий Бог и его сострадание одинаково как для краснокожего, так и для белого человека.

Земля драгоценна для него, и причинить ей вред — значит оказать презрение ее Создателю. Белые тоже уйдут, может быть, даже скорее, чем все другие племена.

Но в своем исчезновении вы будете ярко сиять, зажженные силой Бога, который привел вас на эту землю и с какой-то особой целью наделил вас властью над этой землей и над краснокожими людьми. Такая судьба — загадка для нас, ибо мы не понимаем, зачем убивают бизонов, укрощают диких лошадей и насыщают укромные уголки леса запахом толпы, а холмы уродуют столбами с говорящей проволокой.

Где чаща леса? Она исчезла. Где орел? Он исчез. И что значит попрощаться с резвой лошадей и охотой? Конец жизни и начало существования.

Мы обдумаем твоё предложение купить нашу землю. Если мы согласимся, то для того, чтобы обеспечить себя обещанной резервацией. Может быть, там мы сможем прожить остаток наших дней так, как нам хочется. Когда последний краснокожий исчезнет с этой земли, а воспоминания о нем превратятся в тень облака, скользящую по прерии, эти берега и леса все еще будут хранить дух моего народа. Потому что мы любим эту землю, как новорожденный любит стук сердца своей матери. И если мы продадим тебе свою землю, люби ее, как мы любили ее. Заботься о ней так, как мы заботились о ней. Сохрани в сердце образ той земли, которую мы передаем тебе. Всеми силами, всей душой, всем своим сердцем постарайся сохранить ее для своих детей, люби ее, как Бог любит всех нас.

Мы знаем одно. У нас один Бог. Земля драгоценна для него. Даже белый человек не может избежать общей судьбы. В конце концов, мы можем быть братьями. Увидим.